

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

15
(716)

Л. ЛАГИН

**ПРО ЗЛУЮ
МАЧЕХУ
И ДРУГИХ...**

Говоря откровенно, у меня имеется немалая заслуга перед отечественной литературой: я вовремя и навеки перестал писать стихи. Я мог бы, конечно, усугубить свои заслуги перед литературой, бросив писать и прозу. Но скромность не позволяет мне так цинично гоняться за заслугами.

Конечно, мой достойный всяческого подражания характер выработался у меня не сразу. Я работал и газетчиком, и научным работником, заведующим складом художественных ценностей, комсомольским и партийным работником, доцентом по политэкономии, редактором трех журналов, в том числе одного сатирического.

Найдутся люди, которые с плохо скрытым лицемерием упрекнут меня, что я не работал никогда ни верхолазом, ни укротителем тигров. На это я отвечу с плохо скрытым благородством:

— Зато я был и остаюсь сатириком, товарищи.

Перед тем как составить эту книгу, я написал повесть-сказку «Старик Хоттабыч», романы «Патент АВ», «Остров разочарования», «Трагический астероид», «Голубой человек» и повести «Майор Вэлл Эндью», «Съеденный архипелаг», «Белокурая bestия», «Печальная судьба Эйби Линкольна» и циклы рассказов для детей «Похождения Тритутика» и «Приключения морехода Балакирева».

Л. ЛАГИН

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 15

Л. ЛАГИН

**ПРО ЗЛУЮ
МАЧЕХУ
И ДРУГИХ...**

Дружеский шарж и
рисунки Ю. ФЕДОРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1974

ПРО ЗЛУЮ МАЧЕХУ

Сказка для родителей младшего, среднего и старшего возраста

Жил один вдовый гражданин. У него была дочь Тома. И была одна вдовая гражданка. У нее тоже была дочь. Дуся. Женился тот гражданин на той вдове. Стала Тома той вдове падчерицей. А бывшая вдова, понятно, стала Томе мачехой.

Тут все и началось.

Конечно, нынешние мачехи, как правило, не чета сказочным. Однако бывают и среди нынешних мачех исключения. Томина как раз и оказалась таким исключением. Она почему-то с первого взгляда невзлюбила Тому и решила ее извести. Но она была неглупая и довольно начитанная особа, все сказки в свое время основательно проработала, а про Золушку так даже законспектировала, и она знала, что сколько ты посылаешь падчерицу ни терзай, а та назло тебе будет день ото дня хорошееть, а придет она в совершенные лета — обязательно выйдет замуж за распрекрасного юного графа (в те далекие сказочные времена графы считались завидной партией для небогатой девушки). А Томина мачеха любила жизнь во всех ее проявлениях и вовсе не собиралась раньше времени помирить от досады. Тем более что ее новый муж, тоже довольно начитанный в сказ-

ках, прямо так и заявил, когда они расписывались: «Будешь моей Томочке плохой мачехой — разведись!»

Сказал и ушел по своим делам.

Что делать? Время идет, падчерица час от часу хорошеет, злая мачеха час от часу ханет: точит ее, точит черная злота.

Кинулась мачеха к Бабе-Яге проконсультироваться.

Ну, а у Бабы-Яги, конечно, все получается в полном отрыве от современности, проще говоря, по старинке.

— Разложи,— говорит эта милая старушка,— костры горячие, что ли, разогрей котлы чугунные, наточи ножи булатные, рубай поскорее постылую падчерицу на мелкие фрагменты да в котел ее, в котел!..

— Что вы, бабуся-Яга!.. А милиция?! Да она меня за такие дела...

— В таком случае пошли-ка ты ее, падчерицу свою, за каким-нибудь делом на самое дно моря-окияна, а там ее морской царь обязательно живьем заглотает. Это уж как пить дать.

— Ах, да что вы, бабуся! Наукой доказано: нет никаких морских царей на дне морском. Одно, можно сказать, сплошное аш-два-о.

— Наукой, говоришь? В таком случае последний мой тебе совет: чзведи ты ее, падчерицу свою, непосильной работой.

— Это в советских-то условиях изводить падчерицу работой! А что соседи скажут? А общественность? Не ровен час еще и в газетах пропечатают!

Тут Бабу-Ягу аж разобрало от злости.

— Знаешь,— говорит,— что, душенька, катись-ка ты от меня на все четыре стороны!

Нажала она какую-то волшебную кнопку на своем столе, втянуло мачеху с ужасным свистом в печную трубу да и вышвырнуло из дома на улицу.

Отряхнулась мачеха, прическу поправила и отправилась восвояси. Вот как раз по пути домой ее и осенило.

Назавтра, ранним утречком, она к своему коварному плану и приступила. Еще обе девицы спали.

Мачеха первым делом с родной дочери одеяло долой.

— Вставай, Дуся! Пора матери помогать, горницу убирать, ба-тюшке да сестричке завтрак собирать.

— Что вы, маменька, что вы, родная! Это вы, верно, обозна-лись! Это ведь я, ваша родная доченька Дусенька!

— Не учи мать! Не обозналась я! Вставай!

— Ах, маменька, ах, родная! Пощади мои ручки белые, пожалей моя спину девичью!

— Нет, вставай! Нет, убирай! Нет, собирай!

— А как же Томка?

— Нечего тебе на Томочку кивать! Томочка ныне вроде беспо-

койно спала... Притомилась, бедняжечка. Еще не все сны она досмотрела. Пусть ее досматривает.

Так с того утра и повелось. Тома до самого поздна в постельке нежится, а Дуся с матерью по хозяйству хлопочет. Тома глазки продерет, завтраком давится, в школу опаздывает, а мачеха за нею тем временем постельку заправляет, последние нерешенные задачки решает. Тома отзавтракает, Тома отобедает, Тома отужинает, а посуду мыть — Дусина забота.

Чуть у Томочки с учением не ладится, сразу мачеха к мужу:

— Беги, непутевая душа, в кассу взаимопомощи, нанимай нашей Томочке репетитора.

А у Дуси задачки не получаются:

— Сиди, доченька, хоть час, хоть два, хоть до самого утра сиди, а сама добейся, сама реши.

Случится, кто дома захворает, за доктором — Дуся, за лекарством в аптеку — снова Дуся, за молоком в магазин — опять-таки Дуся. А Томочка и бровью не поведет. А мачеха и сама ее ни за что не пошлет. Что вы! Томочка нынче совсем без аппетита кушала! Томочка вроде бы что-то с лица бледновата.

А на самом деле Томочка краснощека и мордаста. А аппетита у Томочки нету: сладостями объелась. А одышка у Томочки от обильных жиров, телесами Томочка — что твоя попадья. И в кольцах жирная рука — мачехины подарки.

Видят соседи: мачеха нежит и холит падчерицу — хвалят. И отцу-дураку нравится, что все идет, слава богу, тихо, без скандалов. Ему нравится, что его дочь такая упитанная: никто не скажет, что он плохой отец. Все скажут, что он хороший отец. Это его радует. Ему нравится, когда его считают хорошим отцом. А того он, дурак, не замечает, что злая мачеха своего добилась, что родную дочку она вырастила доброй, скромной, работающей, хорошо грамотной, а его дочка Тома выросла халда халдой, свинья свиньей.

Долго ли, коротко ли, захворал как-то Томин папа. Пришли доктора, прописали клубнику. А где ее в декабре достать? Попробовали купить свежемороженой клубники, доктора против. Будто бы с научной точки зрения нельзя: чересчур холодна. Попробовали эту клубнику оттаивать. Опять нельзя. Доктора против. Будто бы с научной точки зрения чересчур сыра.

Дуся говорит:

— Дозвольте мне, маменька, во зеленый лес сходить. Читала я во многих сказках, что ежели зимою в лесу хорошенечко поискать, то, при известном везении, случается набрать клубники. Уж очень мне папеньки жалко.

— Что ты, доченька, что ты, родная! Это ведь только в сказках зимою в лесу клубника произрастает!

— Нет, маменька, это уж вы, извините меня за резкость, оши-

баетесь. Мы рождены, как сказал поэт, чтоб сказку сделать былью.

Конечно, против цитаты не попрешь. Отпустила Дусю мама.

Вот приходит Дуся во зеленый лес. Ей навстречу дедушка-бесе-душка. Борода заиндевела. Сам не гораздо высокий, в валеночках, рукавичками похлопывает. Веселый такой. А при нем парень статный да ладный, и не какой-нибудь там граф или принц, а вполне приличный советский молодой человек Вася.

— Здравствуй, дедушка! С комсомольским приветом, добрый молодец!

— Здравствуй, девица-красавица. А как ты в наш лес попала, по какой такой надобности?

— Я по клубнику, дедушка. Моему бедному отчиму доктора пропсали клубнику.

— Что ты, красная девица! — Будто бы удивляется старичок. — Да ведь это только в сказках клубника зимою в лесу произрастает.

— Нет, уважаемый дедушка, это уж вы меня извините, но только мы определенно рождены, чтоб сказку сделать былью.

— А ты веником орудовать умеешь?

Дуся отвечает:

— С детства приучена.

— А лопатой?

Дуся говорит:

— И лопатой.

— Так вот тебе веник и лопата, разгребай снег вот в этом месте.

Стала Дуся в указанном месте снег разгребать, смотрит, а под снегом стеклянная крыша, а под той крышей — теплица, а в той теплице клубника рдеет. Сочная, сладкая, крупная, сама в рот протис-сится.

Дуся залюбовалась:

— Ах, какая, — говорит, — чудная полиплоидная клубника!

— А ты, умница, как догадалась, что она полиплоидная?

— А вот по таким и таким признакам.

И Дуся так тонко все объяснила про полиплоиды и разные дру-гие учености, что и старик и Вася от удивления только рты пораскрывали.

— Ну, а сколько будет семью восемь?

Это старичок спросил. Он все еще не мог поверить, что она такая настолько разносторонне грамотная.

Дуся моментально отвечает:

— Пятьдесят шесть. Только вы меня, дедушка, лучше про бином Ньютона спросите или еще потруднее.

Так старик даже и спрашивать не стал дальше.

Дуся тогда спрашивает:

— А можно для папеньки немножко клубники набрать? Ему доктора прописали.

Вася говорит:

— Разрешите мне, профессор, как старшему научному сотруднику отобрать на сей предмет наилучшие экземпляры нашего нового сорта. Мне ее папу ужасно жаль. Потому что я так полагаю: у такой славной и образованной девицы отец, безусловно, личность незаурядная. Нам таких людей, как ее папа, надо беречь.

Профессор говорит:

— Действуйте, Вася. И ежели вас не очень затруднит, потрудитесь угостить клубникой и эту умницу-красавицу. Любимых девушек надо угощать самой лучшей клубникой.

Вася даже удивился, как это профессор сразу догадался, что Дуся ему так понравилась. Потом понял: потому что он профессор.

Проводил Вася Дусю домой. Дусе он тоже пришелся по сердцу. А ее родители видят: парень хороший, толковый, научный сотрудник, грамотный, неплохой общественник. Почему за такого человека дочку не отдать?

Отдали.

А Томе, конечно, завидно стало: тоже замуж захотелось. Отправилась потихоньку в лес. Там ее волки и съели.

Ну, не съели. Это я так, для остротки придумал, будто ее волки съели. Будет она зимой ходить в лес! Очень ей нужно! Ей мачеха клубнички в магазине купит. Она куда-то сама не ходит. Она только в девках сама по сей день ходит.

А мачеха будто и ни при чем.

А папа Томин руками разводит, у знакомых спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, почему у нас Томочка такая неудачная выросла? Столь недовоспитана, столь переупитана? Мы ли о ней не заботились? Мы ли ее не холили?

А что ему его знакомые могут ответить? У них у самих сплошь и рядом такие же заботы.

Понятно?

То-то же.

Спасибо за внимание.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СКАЗКЕ «ПРО ЗЛУЮ МАЧЕХУ»

После опубликования данной сказки на страницах периодической печати многие читатели, самые дотошные, завалили меня потоком из трех писем.

В первом письме читатель С. сомневался, как это вдруг мужчи-

на женится на женщине с ребенком, а та — выходит замуж за мужчину с ребенком.

Отвечаю: потому, наверно, что пели страстные песни.

Например, Томин папа (его звали Сидором) так пел, сидя на балконе своей квартиры на третьем этаже:

Я вдовею третий год,
Сердце грусть-тоска грызет,
Барыня, барыня, сударыня-барыня!
Дома скука-пустота,
Дома Тома-сирота.
Барыня, барыня, сударыня-барыня!

Ему мачеха (ее Феклой Федоровной звали) отвечала со своего балкона на втором этаже:

Снился мне сад. Мы с тобою в середке
В этом саду под тюльпаном сидим.
Доченьки наши уже не сиротки,
Горе прошло, ах, прошло, словно дым!

А он ей:

Я люблю вас, Фекла Федоровна,
Из-за вас не сплю ночей,
Потому вы, Фекла Федоровна,
Нонче свет моих очей.

Уже, значит, забрало. А тут мачеха, не будь дура, еще малечко подогрела обстановку. Дескать:

Вы орхидей в моем саду,
Я буду ваша орхидея.
Ах, Сидор, Сидор, я вас жду,
Как индианка ждет индея.

А если бы вас, тов. С., назвали орхидеем, вы бы голову не потеряли?

Он, конечно, моментально потерял и женился.

Теперь читательница Т. интересуется, какая обстановка в том доме, где Баба-Яга жила и как тот дом выглядел, что его по сей день не снесли, и какова с лица эта самая баба.

Отвечаю: во-первых, обратите, читательница Т., свое внимание, что дело это было довольно давно. Дом, в котором проживала эта

злобная старушечка, конечно, был на курьих ножках. Но на таких низеньких, что с улицы было их совершенно не видеть.

Баба-Яга была довольно заурядной худощавой старушкой, в пенсне и черной шляпке. Ничем от других старушек ее возраста не отличалась, кроме того, что на базу и на рынок летала в ступе. Но на это никто внимания не обращал: привыкли, что у долгожителей случаются самые разнообразные странности.

А что до обстановки в ее доме, то Фекла Федоровна, которая мачеха, только запомнила, что очень было много фикусов в кадках, а в приемной у этой милой старушки висели на стенах довольно пыльные венки с белыми лентами. На одной надпись: «Многоуважаемой мадам Бабе-Яге от благодарных мачех Российской империи», на другой: «Славной моей Бабочке-Ягусе в день ее двухтысячелетия от вечно любящего кузена Змеюши Горыныча». А в кабинете Бабы-Яги висела на стене большая групповая фотография. На ней очень художественно в три ряда стояли и сидели разные отрицательные сказочные персонажи. А в самом центре первого ряда сидела разряженная в пух и прах юбилярша — Баба-Яга.

Больше ничего Фекла Федоровна не запомнила. Наверно, потому, что здорово волновалась.

Читатель У. спрашивает: как это вдруг пришел злой мачехе в голову ее коварный план? Нельзя ли рассказать хоть в общих чертах? Отвечаю: почему не рассказать? Можно.

Бежала мачеха от Бабы-Яги домой, притомилась и в скверике возле памятника Пушкину А. С. присела на лавочке отдохнуть. А на той площадке кишмя кишит бабками, мамами, няньками. И все с ребятами. А некоторые ребятки, даром что маленькие, веселятся, скандалят, дерутся с бабками, орут, ногами топают, требуют, чтобы им моментально мороженого подали, чтобы любую их просьбу немедленно, выражаясь по-научному, реализовали. А бабки, конечно, стесняются публики, реализуют.

Пушкин на своем пьедестале, на что уж бронзовый, и тот отвернулся: противно стало.

А хор бабок и мамок тем временем собрался в кружок и запел:

Елки-палки, лес густой,
Что Гайдар нам и Толстой!
Что нам педагогика!
Что нам ум и логика!

Остальные со своих скамеек разом подхватили припев:

Соловей, соловей, пташечка!
Папа с мамой жалобно поют!

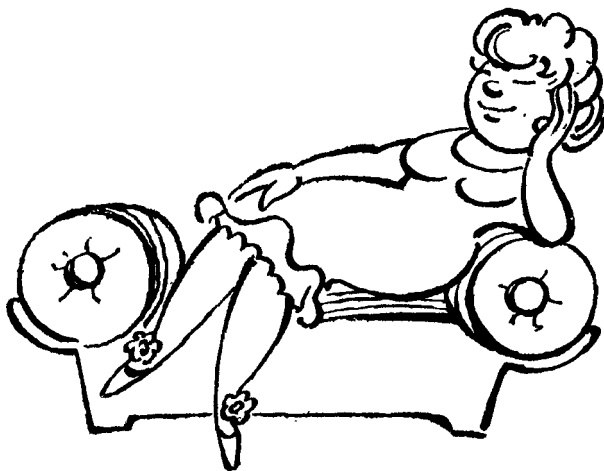
Запевалы продолжают:

Моей внучке пять годов,
Не боится верблюдов,
А не то, что бабушки,
Ладушки, ох, ладушки!

Затем одна довольно еще молодая мамаша берет слово:

Холю сына двадцать лет,
А покоя нет как нет:
Скоро мальчик женится,
Куда мама денется?

Вот тут-то как раз Феклу Федоровну и осенило.
Вторичное мерси за внимание.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМКА

действующие лица

НАГОВИЦЫНА ТОМА, ученица четвертого класса.
НАГОВИЦЫН ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ, ее отец.
НАГОВИЦЫНА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА, ее мать.
ВИКЕНТИЙ НИКОЛАЕВИЧ, их сосед по квартире.
ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.
ВТОРОЙ ГОСТЬ.
ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Время действия — 30 декабря прошлого года,
после обеда и позже

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (в телефонную трубку).
Обязательно, Мария Ивановна, обязательно! Бегу! (С треском
кладет трубку на рычажок.) Как клещ, пристала со своим
Володечкой! Нигде от этой проклятой Машки спасу нет. Даже в
учительской. Схватила меня сегодня за рукав, уволокла в угол и

давай и давай. «Володечка то! Володечка это!» А Володечка на нее нуль внимания, пуд презрения. Красивый мужчина, завуч молодой, не сегодня-завтра могут в директора выдвинуть. А что она ему, Машка? Нуль без палочки. Он теперь всерьез увлекся Зиной...

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. Это какой такой Зиной?

ТОМА. Наша новая учительница. Блондинка такая на тоненьких ножках, но собою ничего.

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. Брысь под лавку! Рано еще тебе в такие разговоры вмешиваться! (Тома обижено поджимает губы.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА. И он этой Зиной нравится, и она такая славная, и скорее всего они еще до конца учебного года поженятся. А эта несчастная курица ни с того, ни с сего втемяшила себе в голову, будто у него к ней имеются какие-то чувства. А у самой ни кожи, ни рожи. И походочка, как у обезьяны.

ТОМА. Как у макаки.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА. Вот именно. Пстой, пстой! С чего ты взяла, что как у макаки?

ТОМА. Здравые! Сама вчера говорила, что у этой нудной Машки...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (ужаснувшись). Пожалуйста, не выдумывай!

ТОМА. Нет, говорила, нет, говорила! Пускай папа скажет! Папа, ведь она говорила, что у этой нудной Машки?..

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ (строго). Для кого Машка, а для тебя она твоя учительница, воспитательница Марья Ивановна. Мала ты еще, от горшка три вершка, а тоже...

ТОМА. Человек уже в четвертом классе, а ты все свое: «Маленькая, маленькая!» Надоело!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (не удостоив вниманием педагогический порыв супруга). Ну и память у меня стала! Склероз! Только упаси тебя бог, Томочка, проболтаться Марья Ивановне насчет моих разговоров... С нею хлопот не оберешься... Вот и идишь к ней в логово выслушивать всякие гадости про бедную Ирочку... Так я пошла. А если позвонит Ирочка...

ТОМА. Скажу, что ты ушла к бабушке. Она ведь знает, что бабушка захворала.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (проверяя Тому). А если позвонят от бабушки?

ТОМА. Ты, мамочка, не беспокойся. Уж я что-нибудь придумаю. Пока что я еще тебя, кажется, ни разу не подводила.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА. Умница ты моя!

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ (со все возрастающим возмущением). Ну, знаешь ли, Наталья, ты просто не отдаешь себе отчета, чему ее учишь!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА. Не учи меня педагогике! Макаренко нашелся на мою голову!.. Ты и так уже превратил мою жизнь в ад своими идиотскими поучениями... Я... я... (Подозрительно шмыгает носом.)

ТОМА. Мамочка, миленькая. Не плачь! (К отцу.) Зачем ты мучаешь мою мамочку? Небось, восьмого марта носишь ей разные подарки, а потом...

Григорий Кузьмич от возмущения не находит слов. Он дрожащими руками натягивает на себя пальто, нахлобучивает по самые уши шляпу.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (с преувеличенным презрением). Только, пожалуйста, Григорий Кузьмич, без сцен при ребенке! И если ты только попробуешь еще раз хлопнуть дверью, я напишу заявление в твой местком, так и знай!

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ (больше всего в жизни он боится общественных скандалов). Надо же мне сходить за елкой.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА. В каком ты виде! А ну, подойди-ка поближе, я тебе поправлю шарф. Господи, дожил человек до седых волос, а сам толком шарф повязать не научился. Ходит с открытой шеей. Так ведь и простудиться недолго... Ну, не хмурься, нервный ты мой Пестолоцци! (Поправляет на нем шарф и чмокает в побелевшую от негодования щеку). Да ты не торопись, поспеешь. До метро нам по пути.

ТОМА. Папочка, миленький, ты елку выбери погуще. А то ты в прошлом году такую принес, что мне перед гостями от стыда некуда было деваться.

Супруги Наговицыны уходят, демонстрируя перед их единственным соседом по квартире идеальное семейное единство. Викентий Николаевич молча пожимает плечами. Его комнатка отделена от комнат, занимаемых Наговицыными, стенкой, звукопроницаемой, как решето. Он слышал все, весь предыдущий разговор. И Наговицыны отлично понимают, что он все слышал, но вплоть до самой лестничной площадки легко и старательно разыгрывают из себя показательную чету. Сказывается многолетний опыт.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Родители Тома еще не вернулись. За время их отсутствия Тома досыта наговорила по телефону с подружками, у которых имеются телефоны. Потом она очень мило поболтала с двумя подружками из соседнего подъезда, которых дома не допускали к телефо-

нам и которые по этой причине явились к Тома с визитом. Тома угостила их чаем, печеньем. Девочки попили чаю и ушли. Потом Тома вырезывала из бумаги и тряпочек всякие штучки, чтобы попрактиковаться в вырезании. Услышав скрежет ключа во входной двери и знакомые отцовские шаги, она быстро раскрыла задачник и сделала вид, будто решает задачи. Григорий Кузьмич вваливается в комнату, озябший, раскрасневшийся, с роскошной густой елкой.

ТОМА (бросив снисходительный взгляд на елку). Молодец, папка! Вот видишь, когда ты не поленился, разыскал чудную елку!

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. Ну и намусорила же ты! На столе посула грязная, крошки... Почему ты не убрала за собой?

ТОМА. Значит, ты хочешь, чтобы я не выполнила задания по арифметике? Видишь, я занимаюсь. Разве ты не знаешь, какая у нас Мария Ивановна требовательная?

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. У тебя сейчас каникулы.

ТОМА. Ах, папа, папа! Никогда нельзя откладывать задания на последнюю минуту. Ты же мне сам не раз об этом говорил.

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. Тома, не дури! Ко мне сейчас должны прийти.

ТОМА. Как это с твоей стороны эгоистично! К тебе должны прийти, а я должна убирать. И вообще, если хочешь знать, я тебе не домработница.

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. Каждый порядочный человек обязан сам убирать за собой. Понятно?

ТОМА. Вот вернется мама, и я ей расскажу, как ты мною помыкаешь, как домашней рабыней. Думаешь, ей это будет приятно? Ты же знаешь, какое у нее большое сердце.

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. (свирепея). Не-мед-лен-но убери за собой весь мусор, слышишь?!

ТОМА (с шумом захлопывая задачник). Ох, господи! (Бежит на кухню за веником и совком, кое-как проводит веником по полу, набирает полный совок. Слышно, как она с силой хлопнула крышкой мусоропровода. Вернувшись, она голосом, полным негодования, говорит отцу.) Я так Марье Ивановне и скажу, что ты меня все время отвлекаешь от арифметики! Я в таких условиях не могу успешно выполнять домашние задания. Ты меня нервируешь! Разве ты не читал, какая у детей моего возраста хрупкая нервная система?

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. Хоть бы постыдилась! Пионерка, одиннадцатый год!

ТОМА. Четыре месяца только, как минуло десять лет, а ты уже рад попрекнуть ребенка! Пеняй на себя! Теперь я уже не мо-

гу готовить арифметику... А какая я пионерка, ты не говори, если не знаешь. Спроси об этом в нашем отряде. Без меня, если хочешь знать, ни один сбор не обходится.

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. А чашки и блюдца кто за тебя уберет?

ТОМА (рыдает). Я тебе не домработница!

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. Учти, на меня твои дешевые слезы не подействуют. Ты уже достаточно взрослый человек, чтобы...

ТОМА (перебивает его с непередаваемым сарказмом). Сейчас ты снова начнешь говорить, что ты в мои годы уже батрачил! Так для чего же мы в таком случае делали революцию? (Поднимает свой негодующий голос до крика.) Как же после этого жить на свете?!

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. Не ори! Викентия Николаевича стыдно! Ведь у него все слышно.

ТОМА. А мне что? Я маленькая, мне не стыдно! А вот если ты будешь и дальше обращаться со мной по-зверски, я такой крик подниму, что ты прямо сгоришь от стыда! И пускай все во всем подъезде слышат, как здоровый взрослый гражданин измывается над беззащитной девочкой!

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. Ты немедленно уберешь со стола или...

Стук в дверь.

Голос Викентия Николаевича: «Григорий Кузьмич, к вам гости!»

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ (вполголоса). Вот, будь они прокляты, как некстати! (Выбегая в прихожую с хорошо разыгранными радостными восклицаниями.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тома, Григорий Кузьмич и трое гостей.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. Ничего, что мы так поздно?

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ. Господь с вами!.. Очень, очень рад!

ТОМА. Папочка, я поставлю чай, хорошо? А потом уберу со стола. (Убегает на кухню, вся излучая гостеприимство и хозяйственность.)

ВТОРОЙ ГОСТЬ. Гляжу на твою дочку, Григорий Кузьмич, и завидки меня берут.

ТРЕТИЙ ГОСТЬ. Я думаю, тут главное дело — мать. Великое дело, когда у ребенка мать с высшим педагогическим образованием.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. Ну и отца, на мой взгляд, не следовало бы скидывать со счетов. С широким кругозором, общественик, волевой работник...

ТРЕТИЙ ГОСТЬ (с подкупающей откровенностью).

Да уж чего там скрывать, приблизишься иной раз к дверям кабинета Григория Кузьмича, и страшновато делается: заметит упущение, не помилует.

ТОМА (вбегает с раскрасневшимся лицом, хозяйственная, веселая и милая, как пионерка на плакате). Ну вот, пока я здесь уберу, и чай поспеет. А ты, папка, доставай пока из холодильника все, что полагается.

ВТОРОЙ ГОСТЬ. Нехорошо в глаза хвалить, а приходится. Молодец, Томочка! Давно в пионерках?

ТОМА. Второй год!

ГОСТИ (хором). Оно и видно!

Из-за стены доносится грустноватый смех Викентия Николаевича.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. Это кто там?

ГРИГОРИЙ КУЗЬМИЧ (вполголоса, стараясь, чтобы его не расслышали за стенкой). Наш сосед. Очень непосредственный человек. Любитель юмористической литературы. Лежит на кровати, читает юмористические рассказы и смеется в голос.

ТРЕТИЙ ГОСТЬ. Неужели не считается с тем, что у вас все слышно?

ТОМА. А вы не обращайте внимания. Мы не обращаем, и вы тоже..

Смех за стеной усиливается.

ЗАНАВЕС.

ОБИДНЫЕ СКАЗКИ

**БЫВАЮТ СКАЗКИ БЕЗОБИДНЫЕ, БЫВАЮТ ОБИДНЫЕ.
ЭТИ СКАЗКИ — ОБИДНЫЕ**

О ПОЛЬЗЕ ИЗВЕСТКИ

Большой был сад. Одного садовника не хватало. Двоих наняли. Оба старательные. Оба саду добра желали.

Пришла пора стволы белить, чтобы червь не пошел.

Один садовник так говорит:

— Сад у нас большой, хозяйство богатое. Не будем приbedняться. Денег хватит.

И вымазал деревья чудной белой эмалью.

Блестят деревья — глазам больно. Красота неопиcуемая. Хоть экскурсии води.

А второй садовник говорит:

— Нам сад разводить, а не богатством хвастать.

Разболтал в ведре известку и побелил свои деревья.

Ему тот садовник говорит:

— Ты что? Дамы пройдут, еще испачкаются о твою известку.

Второй садовник говорит:

— А пес с ними, пусть не шляются. Здесь не парк для прогулок, а плодовый сад. Тут фрукты растут на пользу людям.

Прошла весна, лето минуло. Наступила осень.

Стали сравнивать, у кого как уродилось.

Смотрят, а у того, на которого дамы жаловались, урожай получился не в пример богаче...

Мы никак не говорим, что эмаль хуже известки.

Все полезно во благовремени.

Для борьбы с червями полезней известка.

ИСПЕКЛА БАБКА ПИРОГ

Испекла бабка пирог, не большой, не маленький, не высокий, не низкий. Самых что ни на есть нормальных размеров. Но вкусный, с грибами.

А работала та бабка в канцелярии уборщицей. И внук ее там работал, и был тот внук именинник.

Принесла бабка пирог в канцелярию.

— Угощайтесь, милые. Хотите — с чаем. А можно и так, без чаю.

В канцелярии увидели пирог — прямо ахнули:

— Ну, боже мой, что за пирог, славный какой!

Писарь Иванов говорит:

— А ну, давайте его скушаем!

Писарь Петров говорит:

— И верно, давайте скушаем!

И уже ножик вынимает. У него чего-нибудь покушать — это раз-раз — и готово.

Но старший писарь — ему Сидоров фамилия — говорит:

— Нет, я от вас или с ума сойду, или раньше времени зачакну. Без разрешения помощника начальника канцелярии я вам дам кушать пироги!

Побежал, докладывает.

Дескать, разрешите доложить: испекла бабка пирог, не большой, не маленький, не высокий, не низкий, так сказать, установленного образца. И поскольку принесла упомянутая бабка упомянутый пирог

во взятую вам канцелярию с конкретным предложением угощаться, то какое на этот счет будет ваше распоряжение?

— Пирог? — спрашивает помощник начальника канцелярии.

— Так точно, пирог!

— С грибами?

— Так точно с грибами!

— Угу! И, главное, свежий! Хоть бы он, проклятый, несвежий был. А то свежий! Нет, я на себя такую ответственность брать не согласен. Пускай лучше на себя начальник канцелярии берет такую ответственность.

Пошел, докладывает.

Дескать, разрешите доложить: испекла бабка пирог, не большой, не маленький, не высокий, не низкий, так сказать, установленного образца. И поскольку принесла таковая бабка таковой пирог во взятую вам канцелярию с конкретным предложением угощаться, то какое на этот счет будет ваше распоряжение?

— Пирог? — спрашивает начальник канцелярии.

— Так точно, пирог!

— С грибами?

— Так точно, с грибами!

Думает, думает начальник канцелярии и говорит:

— Знаете что? Составьте-ка вы докладную записку. Я с этой докладной к своему начальнику пойду. И как мой начальник скажет, так и будет.

Сказано — сделано. Сели писарь Иванов, писарь Петров, писарь Сидоров и под общим руководством начальника канцелярии четыре дня писали докладную записку.

Дескать, разрешите доложить: испекла бабка пирог, не большой, не маленький, не высокий, не низкий, и так далее и тому подобное. Красивой черной тушью начертили план пирога, разрез пирога, вид сверху, вид сбоку, вид снизу. Сверили, утрясли, увязали, согласовали, понесли начальнику начальника канцелярии.

Начальник начальника прочитал.

— Вы что же, — говорит, — смеетесь надо мной или что? Бабка пирогом угощает?

— Так точно, угощает!

— Ну и кушайте на здоровье!

Но они не уходят. Переминаются с ноги на ногу. Тоскуют.

— У вас еще вопрос?

— Так точно, товарищ начальник!

— Какой?

— А нельзя ли, чтобы на всякий случай в письменном виде была вша резолюция?

Тут уж начальник не выдержал.

— Вон! — говорит. — Чтоб вашего духу здесь не было! Извольте исполнять приказание!

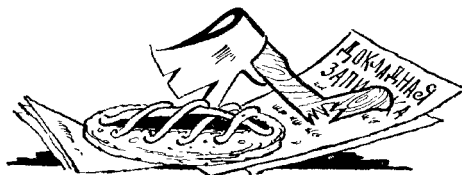
Делать нечего, пошли исполнять приказание. А к пирогу уже и подступиться нельзя: зачерствел, окаменел, и нож его не берет.

Достали топор, по пирогу р-р-раз!

Пирог цел, топор вдребезги.

— Вот морока на мою голову! — сказал начальник канцелярии и велел написать докладную записку, что, дескать, испекла бабка пирог, не большой, не маленький, не высокий, не низкий, и так далее и тому подобное. А посему просим вашего распоряжения о списании одного (в скобках— одного) топора, и так далее и тому подобное.

Тьфу! Сказка вся.

БЕДНЫЙ ВОРОБЕЙ

Воробья орлом назначили.

И только назначили, как тут же стали в затылках у себя чесать.

— Черт те знает, как это нас дернуло: данного Воробья — да в орлы!..

Но уже поздно. Уже ему на Орлиной скале гнездо соорудили, уже за него на лету Кукушка замуж вылетела.

Сидит наш Воробей на Орлиной скале, в орлином гнезде, и страшно ему и неудобно. Дует!

Орлы подлетают, крылами машут: дескать, мы вольные птицы, пора, брат, пора!

— Куда пора? — удивляется Воробей.

Орлы объясняют: дескать, туда, где за тучей белеет гора.

— Да что вы, граждане?!

Орлам ничего, взмахнули крылами — и пари, а ему трепыхай крылышками, трепыхай. Уж на что паек получать: под самой, можно сказать, скалой. Орлам ничего, взмахнули крылами — и пари, а ему трепыхай крылышками, трепыхай. Еле до следующей получки отдышишься.

Время проходит. Орлы удивляются:

— Что это, братцы, данный орел вроде как бы и не орел?

Один попробовал догадаться.

— Это,— говорит,— не орел, а эмбрион. Из него с течением времени должён произрасти орел.

Месяц ждуть, полгода, год. Всем видно: не получается из данного Воробья орла.

Что ж, в большом хозяйстве всяко бывает. С одним не получилось, с другим получится.

Тут бы воротить нашего Воробья в прежнее его воробьиное состояние. Полезнее бы не было птицы на свете.

Ан нет, неудобно: год в орлах числился.

Так по сей день бедняга в дятлах и мается.

ПРО ТАРАКАНА

Ходил Таракан за море-океан.

В чемодане. Словчил, залез, спрятался.

А прилетели за море-океан, Таракан из чемодана вылез, усики расправил, и пошел, и пошел.

Сначала всю комнату обошел, где чемодан лежал. Все обнюхал. Забрался в комод, а там библия. Таракан и по ней полазил, обнюхал всесторонне. Пахла библия вкусным клеем. У Таракана даже слюнки потекли.

Потом под щель дверную подполз, снова усики расправил — и в коридор.

«Батюшки! — думает Таракан.— Да я ли это? Вот уж доподлинно сподобился. На старости, можно сказать, лет. Заграница! Люди кругом сплошь заграничные. Хоть бы увидеть здешних тараканов! Чай, каждый не менее навозного жука! А вдруг с мышь ростом?! Вполне даже свободно!..»

Шел он так, шел, от восторга в слезах по щиколотки, чуть кому-то под ноги не попал, но увернулся — и шасть в приоткрытую дверь.

А за дверью комната, вся белая. Светло, как днем. Сколько у Таракана глаз, все зажмурил. Ах, сколь хорошо! До чего благолепно!

И стоит посреди того помещения (кому комната, а Таракану — площадь неоглядная) что-то круглое, белое, гладкое, блестящее, высокое-превысокое, в полтора тараканьих ростов, а то и более. И пахнет-то, пахнет, ну как в раю тараканьем.

«Вот она, — Таракан подумал, — та самая башня из слоновой кости! Теперь мне бы только на нее взобраться, глянуть с этой неопи-суемой высоты на всю заграницу — и помирать можно».

Перекрестился и полез. Сколько он раз с полпути вниз падал, уму непостижимо! Но своего все-таки достиг. Добрался до самой вершины, глянул по сторонам, закружилась у Таракана голова от необъятных просторов, и упал он прямо внутрь той самой башни. Но не разбился. Живой остался.

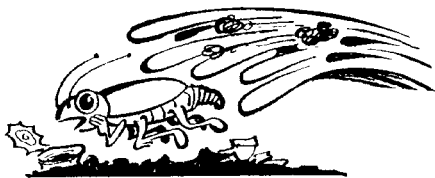
Смотрит, а он в воде на спине плавает.

Хорошо! Прохладно!

И вдруг загремели, заревели могучие горные потоки...

И унесло Таракана из заграничного унитаза прямо в заграничную канализацию.

А что с ним дальше было, с тем Тараканом, то нам не известно.

ПРО ДВУХ КОТОВ

Жили-были два кота. Одного Петькой звали, другого — Васькой.

И как раз в двух домах крысы завелись. Взяли жильцы в один дом Петьку, в другой — Ваську.

Петька как принялся за дело, так, поверите, в три дня всех крыс до единой передушил. Не стало в доме крыс. Жильцы радуются, хвалят Петьку.

— Ай да кот! — говорят. — Всем котам кот!

Еще день проходит. Захотелось Петьке жрать. А крыс нет: всех передушил.

Стал Петька хлопотать, урчать, мяукать: дескать, граждане, исть хочца. Подайте, урчит, коту на пропитание!

А жильцы:

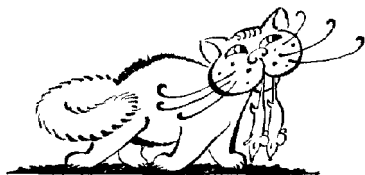
— Да ну тебя, Петя! Где это видано — котов кормить? Коты должны мышами питаться, крысами.

Стал, конечно, Петька чахнуть, вянуть.

А Васька оказался не дурак. Двух крыс поймает, задушит, притащит, жильцам покажет. Жильцы видят: старается кот — похвалят. Потом Васька тех двух крыс уплетет и айда на боковую, спать до завтра. А завтра снова двух крыс поймает и снова, перед тем как съест, хозяевам покажет.

И что же? Хозяева рады, крысы не особенно жалуются, а Васька на всю жизнь обеспечен лаской, очень хорошо поживает, Петьку жалеет.

— Ах,— говорит,— ну не глупый ли он кот, этот бедный Петька? Ужас до чего непрактичный!

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Вызвали Сотрудничка, вручили командировку.

Так, мол, и так, с получением сего извольте отправиться на такой-то карьер заготовлять мрамор для энского строительства.

— Есть! — сказал Сотрудничек и уехал на карьер.

Вот он день мрамор заготовляет, два дня, неделю. На второй неделе притомился и стал думу думать.

Дескать, заготовляю я мрамор не покладая рук. А что мне, Сотрудничку, за мою службу будет? Уж во всяком случае не меньше, чем благодарность в приказе.

А может, не благодарность, а почетная грамота?

А вдруг не грамота, а медаль?

Или даже орден?

И до того, представьте, мерзавец додумался, что ежели он свое задание в срок и полностью выполнит, то не иначе как поставят ему при жизни памятник и на том памятнике его имя, фамилию золотыми буквами высекут.

И только он до этой мысли дошел, как стал лучший мрамор откладывать себе на памятник.

Чтобы было на чем высекать.

И ведь верно, высекли. Специальная комиссия приезжала. Высекла.

КОТА ПОЖАЛЕЛИ

На подоконнике Кот лежал. И кто по тротуару мимо того Кота проходил, каждый того Кота жалел:

— Боже ж мой, какой исключительный Кот! Здоровый! Пушистый! Хвостатый! Усатый! А жизнь у него какая? Скучища: без охоты, без движений, без деятельности! Такому бы Коту развернуться — он бы грызунам показал, где раки зимуют!

А Кот сквозь дрему такие разговоры слышит, и лестно ему, и даже отчасти себя жалко, что вот действительно зазря у него, пожалуй, жизнь проходит на скучных и постылых канцелярских харчах. Помечтает, позаседает, погрустит и снова вздремнет.

Вот раз добрые люди взяли его, сонного, за холку и перенесли потихоньку с того подоконника да во глубину России, в энский мучной амбар.

«Век,— думают,— будет нас Кот благодарить. Уж то-то ему, Коту, в амбаре раздолье! Уж то-то ему в амбаре есть где силушку свою показать!»

Только вдруг слышат: визг в амбаре, писк. Вылетает оттуда наш красавец пулей, хвост трубой, шерсть дыбом, спина баранкой, глаза горят, ровно уголья.

— Это что же такое? — орет.— Это какой же дурак меня в амбар занес? Да ведь там мышей полно!..

И снова дрыхнет Кот на подоконнике, и кто мимо проходит, всяк того Кота жалеет.

А Кот спит. И снится ему, будто он тигр.

ПРО УДИВИТЕЛЬНОЕ ДЕРЕВО

И название-то какое страшное: «Дендрарий»! Вроде бог весть какая заразная болезнь. А на самом деле — ботанический сад.

И сидел в том дендрарии, в беседке под сенью роз и магнолий, Директор и, конечно, составлял отчет.

Он уже все, что касается почек, описал. Какие в отчетном году распустились, какие, наоборот, засохли. И он уже к клумбам подбирался.

И вдруг приходит из центра бумага. Дескать, слышаны мы, что

во вверенном вам дендрарии произошло Удивительное дерево. Так чтоб под личную вашу ответственность окружить заботой и вниманием.

«Вот морока на мою голову! — думает Директор.— Еще заботой окружать! А работать когда?»

Но он еще надежды не теряет. «А вдруг,— думает,— там, в центре, ошлись и никакого такого Удивительного дерева во вверенном мне дендрарии не произошло?»

Вылезит он из своей беседки, видит: нет, произошло. И уже вокруг того дерева разные научные работники руками всплескивают, радуются, удивляются, мнениями обмениваются.

Один доктор наук так говорит:

— Ежели на этом дереве надлежащим образом надлежащий сучочек надломить и к тому сучочку надлежащим образом надлежащий краник приладить, то будет из того краника течь сироп, хочешь — вишневый, хочешь — грушевый, хочешь — еще какой...

Другой доктор наук говорит:

— А я еще так полагаю, что при хорошем уходе из него и пирожные можно получать. Надлежащим образом кору вырезай, и будут тебе ароматные и высококалорийные пирожные. Хочешь — с кремом, хочешь — без.

Видит Директор: влип. Хошь не хошь, а окружай заботой. А как ею окружать, заботой этой проклятой?

Что бы у людей спросить — сам стал думать. Четыре дня думал. Придумал.

Позвал мраморных дел мастера, заказал большую мраморную доску. А на той доске велел золотыми буквами высечь: «Дерево Удивительное. Руками не трогать! Штраф 10 рублей!»

Потом подумал, велел еще нуль прибавить. Стал штраф сто рублей. Он так полагал: больше штраф — больше заботы.

И велел ту доску к Удивительному дереву приколотить. И только приколотил, как в раж вошел.

А вдруг с другой стороны посетитель подойдет и доски не заметит?

Велел с другой стороны такую же доску приколотить — и опять недоволен.

«Кто,— думает,— в нашем дендрарии главный нарушитель или, еще точнее, посетитель? Мальчонка, росту малого».

И на уровне мальчиночьих глаз приколотил две доски.

На самой верхушке — на случай, буде заявится в дендрарий великан, так чтобы и тот не мог отговориться незнанием,— две доски приколотил, и только кончил шестую приколачивать, смотрит, а дерево-то и засохло.

Ну, Директор, конечно, не растерялся. Быстренько сочинил объяснительную записку, все шесть досок к ней в качестве оправдатель-

— Отец и друг! — повалился ему в ноги Ахмет. — Не вели казнить, вели слово молвить!.. Я тебе все объясню!..

— На том свете объяснишь, подонок!..

Отрубили Ахмету голову, насадили, как полагается, на кэл и выставили на городской стене всем другим Ахметам в поучение...

Десять лет с того времени прошло, пятьдесят, сто.

Давным-давно позабыли люди и султана, который голову Ахмету отрубил, и кто такой был Ахмет, и за что он таким ужасным манером жизни своей решился.

И еще прошло сто лет, двести, триста. И еще сорок два года и четыре дня, два часа и тридцать семь минут. Глянули астрономы на небо: нет того самого светила!

Они в свои рефлекторы, они в свои рефракторы: нет да и только!

Четыреста сорок два года, четыре дня, два часа и тридцать семь минут шел свет от того давно уже погасшего светила.

Это же понимать надо.

КОМАРИНАЯ КЛЯТВА

Вечер был. Сверкали звезды.

Комары летали. Кусались.

Одного словили.

Запищал Комар, застонал, ну лапки ломать. По колени в слезах.

Пощады просит:

— Да что вы, граждане! Да это ж такая ошибка!.. Да это вы меня, верно, за малярийного приняли, за анофелеса! А какой же я анофелес? Я же самый что ни на есть обыкновенный комар! Брюшко у меня как? Брюшко у малярийного — под углом или даже, простите, вертикально. А щупики нижних челюстей? Вернейшая ведь примета! У меня, видите, щупик короче хоботка! А у анофелеса проклятого щупик хоботку равен. Это вы хоть у кого проверяйте, всякий скажет, что не вру. Хоть в справочник загляните, хоть в «Жизнь животных»...

— Однако, — сказали Комару, — кусаешься! Зуд от твоих укусов несносный. Житья от тебя, Комар, нету.

— Так ведь я всю жизнь только и делаю, что стараюсь не очень больно кусать. А с сего числа слово даю и вовсе не кусаться! Хо-

тите, расписку напишу? Пожалейте меня, несчастного Комара, многосемейного...

— Многосемейного? — спрашивают. — Да неужто ты многосемейный? Мы этого не знали, что ты многосемейный.

— Не верите? — заливается Комар слезами. — Да вы вон в ту лужу гляньте, сколько в ней личинок плавает, все мои!

Пошли проверять. Видят, верно, личинок видимо-невидимо. Может быть, миллион, может быть, и того больше.

— А что же, — сказали, — а может, и верно, попробовать его отпустить, поскольку он, во-первых, действительно обременен семьей, а во-вторых, согласен дать расписку?

Комар ужас как разволновался.

— Ах! — говорит. — Как же я вас покорнейше благодарю! Дай вам, — говорит, — бог за вашу доброту здоровья, а деткам вашим всем быть генералами, да лауреатами, да академиками! Зарок даю не кусаться. Давайте мне бумагу, давайте мне самопишущее перо, сейчас я документ буду подписывать.

Разгуделся Комар, раскричался, лапками по письменному столу стучит, глазами сверкает. Видят, очень искренний Комар. Выпустили его из щепоти, дали бумагу, самопишущую ручку.

— На, подписывай!

А он как вопьется в чью-то руку, да и был таков.

— Ах ты, проклятый, ах ты, клятвопреступник! Лови его!.. Попробуй поймай!

СТАКАН ВОДЫ

Случилось в одном довольно большом городе, в одном довольно большом учреждении некое совещание. Не то план утверждали, не то ошибки признавали, не то еще что-то в этом роде. В данном случае это никакого значения не имело.

А имело значение то, что в этом учреждении на совещаниях, заседаниях и тому подобных ассамблеях ораторам подавали чай с лимоном.

Мы, обратите внимание, отнюдь не против, чтобы подавали чай с лимоном. У нас совсем о другом разговор.

Служил, видите ли, в том учреждении один растущий работник, которого по заслугам и начальство и сослуживцы жаловали. Назо-

вем его для удобства Сидоровым. Рос тот Сидоров не по дням, а по часам, и все предсказывали ему в самом ближайшем будущем серьезное и, заметьте, заслуженное повышение в должности.

И оратор он был неплохой.

Так вот, пришла на том совещании очередь выступать Сидорову. Похлопали ему в зале. Похлопали в президиуме. Начал Сидоров свою толковую по содержанию и интересную по форме речь.

Между тем появляется из-за кулис (совещание происходило в клубе) дежурная официантка и выносит товарищу Сидорову причитающийся ему как оратору стакан.

Но не такой, как предыдущим ораторам, не с чаем и лимоном, а самой что ни на есть обыкновенной кипяченой водой.

Зашептались многие рядовые участники совещания:

— Заметили? Сидорову — и вдруг простую воду!.. Интересно!..

Зашептались и в президиуме:

— Ох, братцы, тут что-то не так! Дыма без огня не бывает!

Да и сам Сидоров, на что бесстрашный был человек, как увидел, что ему официантка подала, побелел, ослабел, что-то такое довольно несусветное забормотал, всю свою продуманную речь свалил комом, до конца не договорил, махнул рукой и сошел с трибуны без единого аплодисмента. Да и хлопать за такую речь, по совести говоря, нечего было.

Так и сник товарищ Сидоров. И никто ему больше не хлопает. Да и выступать он сейчас стал не в пример реже и совсем не так толково, как в былые, чайные времена. Уверенность потерял в себе, что ли.

Третий месяц предъявляет он всем встречным и поперечным справку от шеф-повара, что подана была ему вместо чая вода не по какому-нибудь особому замыслу, а просто потому, что не хватило заварки. Но никто ему не верит. Да и сам он, между нами, конечно, не очень этой справке верит.

В самом деле, всем крепкий сладкий чай с лимоном, а Сидорову, почему-то именно Сидорову, стакан наибокыновеннейшей кипяченой воды! Есть над чем задуматься!

Прахом пошла вся карьера Сидорова. Ну, не совсем прахом, а впрдь до окончательного выяснения.

А как ты это выяснишь, когда никаких концов в этом деле не найдешь, а документов только и значится, что справка шеф-повара. Знаем мы эти справочки!

Вот ведь беда какая!

ФОКИНЫ ТРАВМЫ

Шум, треск по городу пошел.

В чем дело? Что такое?

А это Фока пальцем в носу ковырял, ноздрю порвал.

Моментально Фоку в больницу, ноздрю заштопали, создали условия. Подлечили — и в Крым, поправляться после операции

Поскольку налицо трудовая травма.

Поправился, воротился, приступил к исполнению обязанностей.

Прошло некое время.

И вдруг снова шум, треск, гам.

Что такое? В чем дело?

Неужто опять трудовая травма?

Она самая.

Фока пальцем в носу ковырял, палец сломал.

Немедленно Фоку в больницу. Создали условия. Палец на шину.

Залили гипсом. Руку — на марлевую повязку, и послали Фоку в Сочи, чтобы лучше косточки срослись на увечном пальце.

Замечательно срослись. Как новые!

Поправился Фока, вернулся к исполнению.

Снова проходит некое время, и снова шум, треск, гам, грохот, стукотня.

Что такое? Что случилось? Неужто она?

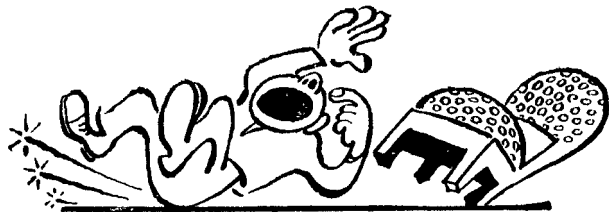
Она самая — трудовая.

Фока себе, зеваючи, челюсть вывихнул. Да еще спросонок с кресла своего на паркет грохнулся. Копчик себе повредил.

Экстренно, конечно, Фоку в больницу, челюсть вправили, копчик крест-накрест перевязали, путевку справили и снарядили Фоку в Одессу, на тамошний лиман, копчик заживлять.

А его совсем не туда надо было посылать

Кабы не мой девичий стыд, я бы сказал, куда Фоку послать надо.

МОРКОВНЫЕ СТРАСТИ

Хорошо работал Заяц заместителем заведующего мясным складом. Только такого и выдвигать.

Выдвинули. Заведующим морковным складом. Пускай растет на самостоятельной работе.

Но Заяц, представьте, всех удивил.

— Помилуйте меня! Не губите меня, Зайца честного, многодетного, никогда под судом не состоявшего!

Барсук, так тот даже оторопел.

— Это как понять? В каком таком смысле тебя, Зайца, миловать? Ведь мы тебя, братец, повышаем! Из замзавов в завы!

— Так ведь склад-то морковный! Морковный! А я Заяц!

— Мда-а-а! — сказали начальники. — Действительно, некрасиво как-то получилось. Только не передокладывать же в самом деле. Ты, Заяц, возьми себя в лапы и крепись.

Взял себя Заяц в лапы, стал крепиться. День крепится, два крепится. Совсем с морды спал Ползайца осталось.

На третий день с самого утра заявляется в Главное морковное управление. Трясется весь, глаза бегают, уши обвисли, как тряпочки.

— Жена! — говорит. — Семеро зайчат! — говорит. — На пороге, — говорит, — преступления стою! Не могу больше крепиться. С сего числа начинаю казенную морковку грызть.

И слезы льет в три ручья.

Снова зачесали затылки начальники.

— Вот ведь беда какая! Выдвигай после этого зайцев!.. Но не передокладывать же в самом деле! Ладно, — говорят они Зайцу, — ты, милый, не горюй. Мы твоей беде поможем.

И стали каждый день, только Заяц на склад, навешивать ему на губы висячий замок и запирать на два оборота.

Подобрали и честного, непьющего товарища: утром запирать, а вечером отпирать замок, снимать его с губ заведующего складом.

Только проходит еще трое суток, снова является Заяц по начальству. Какой там Заяц! Одна тень. И говорит:

— Увольняйте меня поскорее с этой должности, или я за себя не отвечаю! Уже я, — говорит, — ключик подобрал к моему замку.

И в голос воет.

Ах ты, беда какая! Экстренно собрали совещание и постановили:

— Помимо того замочка, навешивать Зайцу на губы еще дощечку и на ту дощечку ежеутренне накладывать большую сургучную печать.

Подобрали и для этой цели подходящего работника — печать накладывать и снимать, и еще одного проверенного товарища — на должность лодыря-хранителя печати, и еще одного — по спичечной

части, и еще одного — по сургучной и шпагатной, и еще одно — хранителя дощечки, замка и двух к нему ключей, и бухгалтера на предмет материального учета, и еще одного — на должность агента по закупке сургуча и бечевков, и еще одного — в отдел кадров, чтобы ведать этими кадрами.

Итого девять человек работников.

Не передокладывать же в самом деле!

Конечно, против печати не попрешь. На печать даже Заяц в морковном окружении лапы не подымет. Ни одной казенной морковки Заяц не тронул. Но от незаячьего нервного напряжения захворал. Очень тяжело занемог. Вот-вот ноги протянет.

Доктора говорят: не жилец он на этом свете.

Но Заяц — это еще только полбеды

А куда прикажете девать девятых работников?

А ведь у каждого семья!..

Срочно ищут другого зайца.

КУЗЯ

Жили-были муж и жена. У них долго не было детей. А потом родился сын. Они его назвали Кузей. Рос он здоровенький, пухленький, чистенький. Уж очень ему родители попались чистоплотные: чуть что — умывали руки.

Подрос маленьчко Кузя, стали родители обучать его правильному хождению:

— Будешь ходить по улице, смотри, сынок, себе под ноги, как бы не споткнуться. Придется по паркету пройтись — под ноги смотри: на паркете поскользнуться проще простого. По горной тропинке подниматься будешь — опять-таки смотри под ноги. Не ровен час, скатишься с верхотуры в самый овраг. Как бы шею себе не сломал! Спускаться будешь с горы — пуще прежнего под ноги себе смотри, а то и до растяжения мышц недалеко. А пошлет тебе господь за благонравие и успехи путевочку в Сочи — по пляжу ступай осторожно, чтобы тапочки раньше времени не стоптать, и под ноги, под ноги себе смотри в оба! А то нахлынет на тебя, дурным часом, волна, захлестнет, промочит, а то и вовсе унесет в море.

Сказали так Кузе его любящие родители, еще какое-то время пожили и умерли, оплакиваемые ближайшими родственниками.

Стал Кузя родительское завещание выполнять: шагал ли по паркету, подымался ли в гору, спускался ли под гору, прогуливался ли по вешнему полю, бродил ли по вековому лесу, спонялся ли по улице, болтался ли по пляжу — всегда неустанно и прилежно себе под ноги смотрел. Ни разу за всю жизнь не споткнулся, ни разу не поскользнулся, ни разу себе мышц не растянул, ни разу лба не расшиб, ни разу в канаву ногой не попал, ни разу его волной морской не окатило.

Так, сукин сын, и помер, ни разу не увидев ни синего неба, ни ясных облаков, ни солнечных зорь, ни светлой россыпи звезд, ни огней городских, ни сельских красот, ни лиц человеческих.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Жил в одном городе писатель по имени Лука. Писал романы. Ужасно его хвалили. Дескать, подумать только, левой ногой человек такие толстенные романы выкомаривает!

Что до читателей, то они его сочинения не могли вспомнить без слез: уж очень трудно было их вспоминать — памяти не за что зацепиться.

Но раз эти сочинения хвалили, то читатели понимали, что читать их надо. И читали.

Переходил как-то Лука через перекресток, на светофор не посмотрел (привык, что в его присутствии все движение останавливается) да и попал под машину. Она его не совсем задавила, но левую ногу все же порядочком попортило.

Кинулись читатели к Склифосовскому проверять, точно ли Луке ногу отдалило и точно ли левую, и надолго ли через этот несчастный случай произойдет облегчение и читателям и издателям.

Доктора сказали:

— Да, действительно. Ногу. Левую. Попортило по меньшей мере на целый исторический период.

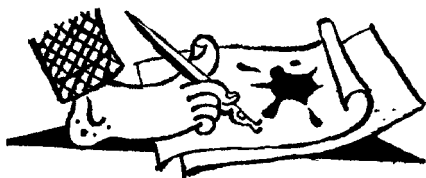
Вроде как бы проверили, верно ведь?

Ан нет. Проверили, да не до конца.

Что левую ногу Луке попортило — это факт.

Что он той ногою по меньшей мере целый исторический период орудовать не сможет — тоже факт.

Но только с чего, собственно, добрые люди решили, что Лука писал свои сочинения левой ногой? Даже смех берет!
Совсем даже наоборот.
Лука был левша.
Лука писал правой ногой.

ЖИТИЕ КОЗЯВИНА

Жил человек по фамилии Козявин.

Ему раз сказали:

— Козявин, а Козявин! Поди вон в ту сторону, посмотри, нет ли где Сидорова. А то кассир пришел, зарплату выдавать будут.

— Есть! — сказал Козявин. Пошел в указанном направлении и пропал. Два года не было о нем ни слуху ни духу.

На третий год является. Голодный, ободранный, худой-прехудой. Бородища по колено.

Оказывается, он вокруг всего земного шара в указанном направлении прошел и у каждого встречного спрашивал:

— Не видали товарища Сидорова? А то кассир пришел, зарплату выдавать будут.

Вот какой исполнительный был сотрудник!

Встает вопрос: куда девать Козявина, поскольку на его должность уже года полтора как приняли другого человека? Тоже исполнительного, но неглупого и инициативного.

Зачислили Козявина пока суд да дело в резерв.

Отдел кадров подыскивает Козявину должность, а Козявин тем временем скучает без приказаний.

Забрел он как-то раз на одно заседание, сел тихо-мирно в уголочке, ждет, не будет ли случаем каких приказаний.

А дело было летом. От мух спасу нет.

И вдруг председатель замечает:

— Что за чудеса! Все мухи подошли!

Проходит день, на другом заседании замечают: опять то же самое! То было полно мух. Жужжали, кружились, по лицам участников заседания ползали. И вдруг все мухи лапки кверху. Только успевай выметать.

Смотрят, а в уголочке Козьявин сидит, томится, ждет хоть каких приказаний.

Стало ясно, что если приглашать на заседания Козьявина, то можно немалые суммы сэкономить на ДДТ. Подсчитали: в четыре месяца окупит свой годовой оклад.

Тем временем местком устроил культпоход на казеиновый завод.

И Козьявин тоже туда пошел скуки ради. Поскольку никаких ему приказаний не ходить не было.

И тут выясняется, что уже в двадцати метрах от Козьявина молоко скисает в одиннадцать с половиной секунд. Так что если использовать на данном предприятии Козьявина в качестве окислителя молока, то производство казеина ускоряется в несколько раз, а себестоимость пуговиц и прочих казеиновых изделий снижается на сорок семь процентов.

Теперь уже сразу две организации стали бороться за Козьявина. Казеиновый завод тянет его к себе — в качестве сверхскоростного окислителя молока, а учреждение, в котором Козьявин раньше служил, к себе — мух морить.

Пока вопрос решался в более высоких инстанциях, Козьявина послали в Крым поправляться от кругосветного перехода.

Прибыл Козьявин к месту назначения, стал по всей форме отдыхать.

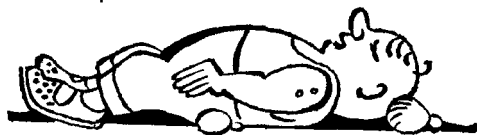
Вот раз утром пошел он, как полагается, на физзарядку, стал дышать по команде «Вдох!.. Выдох!.. Вдох!.. Выдох!..»

И только он согласно команде сделал выдох, срочно вызвали физкультурника в контору.

Воротился физкультурник спустя некоторое время из конторы, смотрит, а Козьявин лежит на песочке, лицо синее, и уже он коченеть начал.

Вот ведь беда какая! Ждал-ждал Козьявин, чтобы ему «Вдох!» скомандовали, да и не дождался.

Так Козьявин и помер.

УДИВИТЕЛЬНО МНОГООБЕЩАЮЩИЙ ГУСЬ

То ли на Крымском было побережье, то ли на Кавказском соорудили как-то добрые люди санаторий. Всем санаториям санаторий. Красоты неопишуемой. Прочности несокрушимой. Мраморы, хру-

стали, камчатные скатерти. Люстры бриллиантовые. Палаты — прямо палаты. А персонал! Врачи профессорской силы, медсестры — что твои врачи, что ни санитарка — готовая сестра-хозяйка.

Одна беда: курятина. Мороженая курятина.

На завтрак курятина, на обед курятина, на ужин опять-таки курятина. Компот — и тот умудрились в том санатории варить на курином бульоне.

Конечно, новые больные поначалу радовались: дома курятинкой каждый день не разживешься.

Проходило некое время — курятина чуть приедалась. Потом все больше, больше. Дней за пяток до выписки отдыхающие уже так говорили: ну и что ж, что курятина? Можно потерпеть. Скоро домой.

И вот стоят как-то отдельные отдыхающие, беседуют с директором на отвлеченные темы, и вдруг откуда ни возьмись старичок, и под мышкой у него гусь. Выше средней упитанности. Не мороженный, живой.

Старичок говорит:

— Директор, а директор, купи у меня гуся!

Директор говорит:

— Мы с рук не покупаем. Мы все с базы.

Старичок спрашивает:

— А что, которые с базы, повкусней будут или, скажем, посвежей?

Директор смеется:

— Экой ты, гражданин, неинформированный! Конечно, нет.

Старичок удивляется:

— Почему же в таком случае нельзя с рук?

Директор говорит:

— Ну, ты меня, старичок, просто уморишь! Как же мне можно с рук покупать! А может, я жулик?

— А ты разве жулик? — Это старичок спрашивает.

— Да нет,— говорит директор,— вроде не жулик. Но с базы все-таки спокойней. Опять-таки получаешь с базы продукты, и при них документик. Понятно?

Старичок говорит:

— Будет тебе, директор, и от меня документ. Поскольку,— говорит,— гусь не из индивидуального сектора, а как раз от колхоза. Купи гуся. Не пожалейшь. Побалуй отдыхающих свежей гусятинкой. А насчет документа не сомневайся: будет тебе от колхоза документ.

Директор говорит:

— Ты, наверное, многоуважаемый старичок, не знаешь, какая в нашем санатории масса отдыхающих. Что я с твоим одним гусем сделаю? Было бы их десятка три, тогда другой разговор. А то — один гусь.

Старичок говорит:

— Так это же не простой гусь, а особенный. Это гусь-самоклад. Он сам себя режет, сам себя общипывает, сам себя потрошит, сам себя жарит, сам себя на порции режет, на тарелки раскладывает, гарниром обкладывает, подливкой обливает, сам себя на стол подает. А потом, так сказать, по съедении, сам свои косточки собирает, снова оборачивается в целого гуся, и все начинается сначала. Хватит тебе его на всех отдыхающих и на долгие годы.

Видит директор — действительно, исключительно многообещающий гусь.

— А сколько,— спрашивает,— ты за него положишь?

Старичок называет цену.

— Э-э-э! — говорит директор.— Так у нас не выйдет, поскольку объявленная тобою цена на шесть с половиной процентов выше базовых отпускных!

— Так ведь гусь-то какой! Самоклад! И он еще, ко всему прочему, по желанию дирекции моментально оборачивается в рябчика, индейку и даже, если подумать над ним хорошенько, то и в осетра!

— Не-е-ет! — Это уже директор говорит.— Я за твоего гуся отвечать не собираюсь. Хочешь по базовой отпускной цене — пожалуйста. А не хочешь — как хочешь.

Плюнул старичок и был таков.

Так по сей день в том санатории и томят отдыхающих мороженой курятиной. Оно, конечно, и мороженая курятина — очень даже неплохо. А все-таки, знаете, как-то жалко.

ПОРОК СЕРДЦА

Лежал больной, хворал не то эндо-, не мио-, не то перикардитом.

Доктор его пользовал внимательный, старательный.

— Смотрите,— говорит,— больной, только не ворочайтесь, только не шевелитесь, не утруждайтесь.

Вот как-то утром просыпается больной. Смотрит, а за окошком солнышко светит, капель капает, воробышки чирикают.

«Дай,— думает больной,— гляну!»

Тихонько на локотке приподнялся. Видит: верно! Солнышко светит, капель капает, воробышки чирикают... Кустики стоят веселые, мокрехонькие.

Тихохонько на локотке опустился, лежит счастливый. Во-первых, весна. Во-вторых, приподнялся, опустился — жив остался.

Доктор приходит.

— Ну, как дела, больной?

— Да вот,— говорит,— приподнялся, опустился — жив остался.

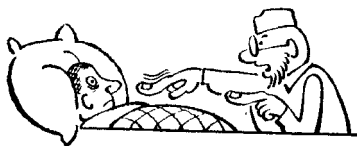
Как на него доктор закричит, как ногами затопает!

— Да вы,— говорит,— такой! Да вы,— говорит,— сякой! Да вы,— говорит,— форменный самоубийца! Я вам что приказывал? Я вам приказывал не ворочаться, а вы ворочались! Да я за вашу жизнь в таком случае и копейки не дам! Да как вы смели?!

И до того он на него кричал, до того на него ногами топал, что больной на нервной почве помер.

Мораль?

Мораль в этой сказке чересчур даже простая: ежели лежит больной и хворает не то эндо-, не то мио-, не то перикардитом и ежели он приподнялся, опустился и жив остался, не кричите вы на него, ради бога!

БЕДНЫЙ КОРРЕКТОР

Жил один человек. Он работал корректором тридцать лет и три года. Состарился. Вышел на пенсию. Чем, думает, досуг занять? Дай, думает, буду книги читать. Оно, думает, я и раньше книжечек этих разных и журналов невпророт прочел. Но то я читал по долгу службы, или, можно и так сказать, хлеба ради насущного. А теперь буду читать для души.

Достал книжку, стал читать. Для души.

Дальше — больше.

Дошел до фразы: «Во взгляде на круг своих знакомых муж, жена и дочь были совершенно согласны и, не сговариваясь, одинаково оттирали от себя и освобождались от всяких разных приятелей и родственников, замарашек, которые разлетались к ним с нежностями в гостиную с японскими блюдами по стенам». И чуть его инфаркт не хватил.

Руки у корректора задрожали, карандаш из рук выпал.

«Что ж это такое,— думает корректор,— как это можно пропустить такое неграмотное словосочетание «всяких разных»!»

И потом, почему ни редакторы, ни корректоры не помогли автору овладеть простейшими навыками русской литературной речи! «Разлетались к ним!» Если «разлетались», так от них. А ежели к ним, то ясно, «слетались». Это же любому пионерчику известно! И по чьим таким стенам висели японские блюда — по стенам гостиной или этих разных всяких замарашек?

Захлопнул книгу, отнес в библиотеку.

Библиотекарь спрашивает:

— Ну, как, понравилась книжка?

Корректор говорит:

— Как же такое произведение может понравиться, если оно, по просту говоря, полно редакторских и корректорских недоделок?

Библиотекарь спрашивает:

— Я с точки зрения содержания.

Корректор говорит:

— В любой книге что самое главное? Чтобы опечаток не было и грамматических ляпсусов. Дайте мне такую, чтобы была полное совершенство.

Ему дали ценник на текстильные товары.

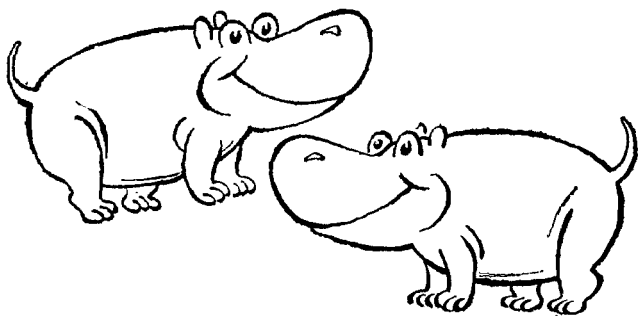
Прочел с удовольствием. Взял ценник на пищевые товары. И снова не нашел никаких промашек.

Сейчас читает правила пользования Московским метрополитеном и не нахвалится.

А та книга, которую он вернул, не дочитав, называлась «Смерть Ивана Ильича».

НЕПРИСТРОЕННЫЕ СТРОКИ

Из записной книжки.

Разница не бóльшая, чем между бегемотом и гиппопотамом.

Что-то слышно возрастное в долгих песнях ямщика.

Говорят: «В нем, как в зеркале, отразилось»... А ведь в зеркале все отражается до малейших деталей, но наоборот: правое плечо выглядит левым, левая рука — правой. При разговорах насчет натурализма и реализма это соображение могло бы, пожалуй, пригодиться.

Цинизм — не что иное, как принципиальная беспринципность.

Даже купаясь в славе, не забывай о скромности: купайся в трусиках.

Не всякий блондин — светлая личность.

Место работы и занимаемая должность — член семьи.

Лицо невыразительное, как табурет.

Кристалльная личность: на красном фоне — красная, на черном — черная.

Человек застенчивый до грубости.

Одному человеку всю жизнь снился один и тот же страшный сон: будто у него в поезде украли чемодан. Трудно было найти более счастливого человека: весь день после такого сна он радовался, что то был только сон.

К юпа танком не раздавишь.

Черви орлов не боятся. Черви боятся кур.

Как мухомор заботой ни окружай, не вырастить из него боровик.

Конечно, истинный друг познается в беде. Но и удаче твоей настоящему порадуется только настоящий друг.

Пришел в институт наниматься в караульные начальники — караулить науку от уклонов. А наука уже давно перешла на самообслуживание.

Мерный басовитый храп, как если бы где-то поблизости пилили дрова.

Вершина лицемерия — санитарный день в аду.

Геркулес совершил двенадцать подвигов, после чего Зевс даровал ему бессмертие. А бывает ведь и так, что сначала даруют человеку бессмертие, а уже потом срочно подыскивают для него дюжину подвигов.

Хороших стихов мало у кого много.

Кое-какие критические статьи я уподобил бы производству слонов из мух заказчика.

Один человек клеветал на Солнце. Ему дали отпор. Теперь он пишет заявления на всю Солнечную систему.

Сидят в своей поликлинике, ждут приема, толкуют о пустяках. Этаким, можно сказать, хворум.

Сзоя голова ближе к телу.

Чтобы скрыться, этой гражданке достаточно было стереть со своего лица парфюмерию.

Никогда не рой другому яму, если можешь поручить это своему подчиненному.

Ушел на пенсию и только тогда стал приносить пользу обществу: ничего не делал.

Плоды прелой мысли.

Поэт молочно-восковой спелости.

Завсегдатаев стоило бы иногда маленечко потеснить в интересах многдатаев, которые ведь тоже люди, тоже человеки.

Трудовые блудни гражданина Н.

Этой группе была дана установка: не торопиться, разобраться как следует. Пока что задание выполнено на 50 процентов: не торопятся.

Собака — друг человека. Она тебя любит, какая бы рецензия ни была опубликована на твой роман.

Человек весьма расчетливого и продуманного самоотвержения.

Умывать руки — далеко не всегда признак чистоплотности.

Дерзать и дерзить — это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Ответственный съемщик сливок.

Ума у этого человека — палата, но палата эта — казенная.

Болван замедленного действия.

Удивительная игра природы: человек с камнем за пазухой не так часто тонет, как человек без такового.

Очень может быть, этот человек и родился в сорочке, но он ее с тех пор ни разу не стирал.

И у бильярдиста можно найти общее с Антеем: оба должны хоть одной ногой касаться земли.

Этот поэт полагает, что он глаголом жжет сердца людей. На самом деле он просто действует людям на нервы.

Бумага, засиженная музами.

Моложавое дарование.

Говорят: «Знаю, как свои пять пальцев». Ой ли? Так ли вы уж знаете свои пять пальцев, если вы их без усталости не маникюрите? Проверьте!

Ничего не делал: руки были заняты. Обими руками все время крепко держался за свое кресло.

Шуберт долгие годы проживал в одном городе с Бетховеном, мечтал познакомиться с ним лично, но так и не осмелился. Склоним свои грешные головы перед величественной скромностью гения.

— Мусенька, тебе не стыдно принимать духи от такого типа?
— Плевать! Духи не пахнут.

Человек, напичканный болезнями, как медицинский справочник.

Начало сказки: «В здоровую семью советских больных затесался один симулянт».

Что может быть величественней и прекрасней океанской волны! А попробуйте зачерпнуть ее любым ведром, пусть даже самым большим, и вы будете иметь всего лишь ведро соленой воды.

Как часто люди в соревновании на культурность побеждают только «по очкам». А снимите с такого соревнователя очки, и ау, культура, где ты?

От совета жен покойного выступала гражданка Н.

У него маленький стакан, но он пьет из чужого стакана.

— К вам пришел один гражданин.
— Пожилой?
— Нет, с бородой.

Человек слишком учтивый, чтобы быть приятным.

«Бестолковость человеческая! — восклицал один, вообще говоря, неглупый рак.— Заладили: «Красный, как рак», «Покраснел, как рак». А где они видели красных раков? Укажите мне хоть одного рака, который видел бы хоть одного красного рака. А кто лучше самих раков знает раков?..» Из сего могут последовать сравнительно глубокие философические выводы.

Чем выше человек задирает нос, тем меньше он видит, что пишет.

Сумерки. Сидит человек в качалке и сам себе напевает под нос дифирамбы.

Замечено, что попугаи намного переживают тех людей, слова которых они бессмысленно повторяют.

Некоторых деятелей литературы и искусства я уподобил бы работникам питания. Ибо и они добывают себе средства к существованию тем, что торгуют водой с сиропом.

Н.— типичный классик. Давно уже ничего не пишет, но весьма обильно и часто переиздается.

Человек горит на работе. Но горит, как сырые дрова: трещит, шипит, дымит, плюется. А тепла от него или, скажем, углей — ни на грош.

Все знают: карась любит, чтобы его жарили в сметане. Но еще никогда и никому не приходилось слышать об этом из уст карася.

Серое бывает разных цветов.

Долго, не прям и зачастую мучителен процесс перерастания образования в культуру.

Этот поэт только потому молодой, что вчера снова женился.

Вряд ли даже в самом далеком будущем будут играть в футбол по переписке.

Надо верить человеческому опыту. Люди никогда не мыли бы руки, если бы последние от этого не становились чище.

Пора, ох пора заменить мирный заседательный труд бурным со-
зидательным!

И среди некурящих порой попадают неважные люди.

Покажешь человеку палец, и тот смеется. А покажи ему же ку-
лак, то есть в пять раз больше пальцев, и он почему-то смеется раз
в двадцать меньше.

Мал гарнитур, да дорог.

Мало ли что человек может написать под пьяную ногу!

Пожелание Хоттабыча: «Пусть твоя бритва так гладко и чисто
бреет твои щеки, чтобы раздражение проступало на щеках твоих
врагов».

Один сотрудник придумал механическую баклушебойку, чем со-
здал невыносимые условия для тех, кто бьет баклуши старинным
способом — от руки.

Никто из писателей не выразил, на мой взгляд, с такой потря-
сающей убедительностью роль денег в капиталистическом обществе,
как Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в своей комедии
«Смерть Пазухина». Надворный советник Фурначев говорит своей
супруге Настасье Ивановне, урожденной Пазухиной: «Деньги, су-
дарыня, всякому человеку нужны... даже нищий на улице стоит, и
тому деньги надобны».

— Как ты думаешь, успею я забежать в «Гастроном» купить две-
сти граммов колбасы?

— Нет. Уже поздно.

— А сто граммов?

Человек потливого ума.

Слабое знание русского языка заставляло его подолгу подбирать
фразу. Вследствие этого он прослыл спокойным и рассудительным
работником.

Мистическая табличка над санаторной душевой: «ЗАЛ С ДУ-
ШАМИ».

Обсуждают иную книжку, и как начнут говорить о ее сюжете,

всем становится и неудобно и совестно. А надо в таком случае говорить не о сюжете, а о СЮСЮЖЕТЕ. Сей термин с сияющим лицом вношу как ценный вклад в науку.

То же самое и о реализме некоторых наших произведений искусства. Не реализм это, а СЮСЮРЕАЛИЗМ.

Даже сны этому критику снились только реалистические.

Не стоит путать стадный инстинкт с общественным.

Он так ценил себя, что даже храпел под стенограмму.

Не мужчина, а самоходные брюки.

Насколько эффективней действовали бы на футбольном поле некоторые наши футболисты, если бы им не мешали игроки противника!

Ни в каком прейскуранте не узнаешь, почем пуд лиха.

«Семья-то большая, да два человека всего драматургов — отец мой да я». В лесу раздавался топор драматурга.

Опасен не градусник, а температура.

Новехонькое здание, а бельем поросло.

Бывает скоропись, бывает машинопись. Бывает и серопись

Фильтрующийся склочник.

Разница между человеком и курицей: курицу никогда не зарежешь без ножа.

Чего только в сказках не бывает! В одной сказке человек брал взятки.

Не нитьем, так карканьем.

Род занятий — собутыльник.

Родился в сорочке из водоотталкивающей ткани и всю жизнь выходит сухим из воды.

Сон — единственное дело, которым этот человек занимался всерьез.

Ушла на пенсию и работает бабушкой у своей дочери.

У этого юноши еще молоко на бороде не обсохло.

Лев не стыдится, что он из семейства кошачьих.

Один и тот же дождь родит урожай и грязь на дорогах.

Показухины дети.

Романс алкоголика: «Лежу ли я вдоль улиц шумных, валяюсь ли у входа в храм».

Одни строят, другие пристраиваются, третьи устраиваются.

Вредно путать социальный заказ с сусальным.

В семье геолога три девочки: Зоя, Палеозоя и Мезозоя.

Не ногти красят человека, а человек — ногти.

Жандармский ротмистр Е. Е. Попытко-Непытко.

Это научное учреждение не столько цитадель, сколько ц и т а т е л ь науки.

Нервный тот, кто топает ногами на своих начальников. Человек же, топаящий ногами на подчиненных,— хам.

Бывает, человек умирает за много лет до своей смерти.

Величавый смех уважаемого идиота.

— Мы с Николаем Ивановичем порядочные люди.

— А без Николая Ивановича?

Если судьба стучится к тебе в дверь, не прикидывайся, будто тебя нет дома.

Когда собака лает, это признак ее душевного здоровья.

Единожды солгавший?! Кто тебе поверит!

Покойный был здоров хворать.

На головокружительной горной вершине одних тянет декламировать Пушкина и Маяковского, других — плюнуть вниз.

Изо всей колесницы Аполлона этот критик оставил для себя только оглоблю.

Лакеи не уважают как раз тех, кто их уважает.

Кончил дело — шнуруй смело.

Наследить в литературе и оставить в ней след — совсем не одно и то же.

Одни писатели мыслят образами, другие образами.

Не от хорошей жизни обезьяна превратилась в человека.

Опоздал на банкет и остался вне икры.

Не лезь в бутылку — пригодится воды напиться.

Для некоторых ловкачей передние рубежи — передние.

Нет в мире совершенства: у Нефертити были растопыренные уши.

Полагал о себе, что он пуп земли, а он еле-еле чирей.

Не столько литературная находка, сколько литературная выходка.

Одни люди вносят в общее дело свою лепту, другие — свой лепет.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Про злую мачеху	2
Педагогическая поэма	10
Обидные сказки	16
Непристроенные строки	39

ЛАЗАРЬ ИОСИФОВИЧ ЛАГИН

ПРО ЗЛУЮ МАЧЕХУ И ДРУГИХ...

Редактор А. Е. Вихрев.

Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 12/II 1974 г. А 00831. Подписано к печати 12/VII 1974 г. Формат 70×108¹/₃₂. Объем 2,10 усл. печ. л. 2,63 учетно-изд. л. Тираж 75 000. Цена 8 коп. Изд. № 1695. Заказ № 1806.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена 8 коп.

